

ПЕНЗЕНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 14. ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ. 16 юля 1867 г.

С О В ъ Ѳ

говоренное въ день Пятидесятницы при молебствіи по случаю спасенія жизни Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА отъ руки злодѣя 25 мая въ Парнжѣ.

Ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ. (1 Цар. XVI, 13).

Въ словѣ Божіемъ, слуш. христ., пишется, что послѣ того, какъ Самуиль пророкъ помазалъ елеемъ Давида на Царство Израильское, благодать Божія осѣнила Давида и послѣ ужъ не отступала отъ него. *И ношашеся*, говорится, *Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.* Благодать эта, давая чрезвычайныя силы для служенія царскаго, вмѣстѣ съ симъ хранила Давида

въ многоразличныхъ, грозившихъ Ему въ жизни, опасностяхъ.

Слуш. братія, не видимъ ли мы собственными своими глазами и на нашемъ возлюбленномъ Царѣ вѣяніе Святаго Духа, Который носится надъ помазаннымъ своимъ съ самаго дня священнаго муропомазанія царскаго и досель? Празднуя нынѣ пришествіе Святаго Духа на Апостоловъ и на всѣхъ вѣрующихъ, мы въ тоже время празднуемъ новый опытъ осѣненія Промыслительнаго Духа особенно надъ главою Царя нашего, опять дивно сохранившаго Его жизнь. Вы уже слышали, какъ на этихъ, минувшихъ только дняхъ, ГОСУДАРЮ нашему угрожала опасность отъ руки злодѣя въ столицѣ Франціи, слышали, что въ Него сдѣланъ былъ выстрѣлъ усиленнымъ зарядомъ на самомъ близкомъ разстояніи и безсомнѣнія опытною рукою, — знаете, вѣроятно, чѣмъ это и кончилось. Оружіе врага не вынесло двойнаго заряда, и святотатственная рука, коснувшаяся Помазанника Божія, мгновенно возчувствовала на себѣ кару Божію и ранена сильно. Только еще минулъ годъ, какъ жизнь ГОСУДАРЯ подвергалась такой же опасности, и Духъ Господень, носящійся надъ главою Его, защитилъ Его отъ грозившей опасности, и отклонилъ руку злодѣя отъ своего Избранника. И вотъ въ годовщину минувшаго мы торжествуемъ уже новый опытъ Провидѣнія Божія, видимо бодрствующаго надъ главою Царя нашего. Не припинеть ли кто либо и этотъ, новый опытъ Божественнаго охраненія жизни Царской, какъ минувшій, слѣпому случаю? Но что это братіе за случай слѣпой, который такъ расчитанно бережетъ жизнь Царя, и что это за случай слѣпой, который такъ осозательно караетъ

руку, дерзнувшую было коснуться Помазанному? Нѣтъ братіе, развѣ крайній невѣръ, не признающій въ мірѣ никакого высокаго распорядителя, кромѣ этого слѣпаго случая, можетъ не видѣть въ этомъ событіи Десницу Божию, можетъ не видѣть надъ главою возлюбленнаго Царя нашего осыненія Того Духа Господня, Который носится надъ Нимъ отъ того муропомазанія царскаго и доселѣ. А мы вѣрующіе видимъ и вѣримъ вмѣстѣ съ Царемъ своимъ, что Провидѣніе видимъ сохраняетъ Его; (слова ГОСУДАРЯ, сказанныя въ отвѣтъ на поздравленіе русскихъ въ Парижѣ. Моск. вѣд.) благоговѣнно видимъ въ этомъ событіи руку Вседержителя, Который заповѣдалъ: *не прикасайтесь помазаннѣмъ моимъ.* (1 Паралип. XVI, 22).

Братіе, возблагодаримъ Провидѣніе снова такъ чудно спасшее жизнь возлюбленнаго Царя нашего на благо намъ! Познаемъ изъ этого новаго опыта Божія заступленія, что Духъ Господень осыняетъ главу Царя нашего, какъ нѣкогда носился надъ Давидомъ; и стало быть все предначинанія Царскія относитъ къ себѣ. Потому удалимъ отъ себя всякій ропотъ и недовольство распоряженіями Царскими; потому что это уже будетъ ропотъ противъ Самаго Бога, въ руцѣ Котораго сердце Царево. А уместенъ ли ропотъ твари предъ Творцемъ! Далѣе изъ этого событія мы видимъ, какими опасностями окружена жизнь Царей и съ какими трудностями совершается ихъ служеніе! Потому какъ вѣрные подданные своею любовію, своимъ послушаніемъ вельніямъ Царскимъ, наконецъ своею молитвою къ Царю Царствующимъ облегчимъ Его царственное бремя; — чтобы Онъ такимъ образомъ въ любви и преданности своихъ

поддавшихся нашелъ утѣху, ободреніе и поддержку для своего многотруднаго служенія. Аминь.

Сборный Іерей Тимовей Студенскій.

Г. Чембаръ.

1867 г. Іюня 4 дня.

С Л О В О

**въ день Святителя и Чудотворца Николая
9-го мая.**

Слуш. христ. мы нынѣ празднуемъ перенесеніе Святыхъ мощей Святителя Николая изъ города Миръ въ городъ Баръ. Потому и поговоримъ нынѣ о почитаніи Св. мощей.

Есть, братіе, хрістіане, не признающіе и не почитающіе Святыхъ мощей таковы: лютеране, наши молокане и другіе. Къ сожалѣнію и между православными есть такіе, которые, по Апостольскому слову, хотя отъ насъ вышли, но не съ нами вѣруютъ. Эти люди дали при крещеніи обѣтъ быть православными, вѣровать и жить по православному; но потомъ думаютъ, что можно спастись и не держась той вѣры, которая проповѣдуется намъ православною церковію и не слѣдуя тѣмъ правственнымъ правиламъ, которыя завѣщаны намъ Господомъ. Да, братіе, есть и между нами слабовѣрные или вовсе безвѣрные, которые не находятъ предосудительнымъ и безчестнымъ считаться хрістіанами православными, а

вѣровать и поступать не по православному. Эти люди оказываются даже злѣйшими врагами православныхъ вѣрованій относительно чествованія Св. мощей. Они позволяютъ себѣ даже издѣваться надъ вѣрой въ святость и почитаніе Св. мощей. Но какъ шатки и неосновательны ихъ сужденія о чествованіи Св. мощей, судите сами.

Святые люди во время земной своей жизни проводили жизнь высоконравственную, добрую, честную. Это истина, которой не отвергаетъ, да и не посмѣетъ отвергать ни одинъ невѣръ, если только онъ дорожить истинною. И такая высокая жизнь такихъ святыхъ людей служить для насъ, для нашей воли и жизни, примѣромъ и образцомъ. А почитая такимъ образомъ жизнь святыхъ за правило и образецъ для своей жизни, можно ли не любить святыхъ, не имѣть сердечнаго расположенія, почтенія и благоговѣнія къ нимъ? Да это просто требованіе нашей природы, и отвергать или издѣваться надъ этими сердечными чувствованіями, значитъ не понимать сердца человѣческаго. Къ тому же мы вѣруемъ, что тѣла Святыхъ были храмами Святаго Духа, Который одушевлялъ ихъ и помогалъ Святымъ быть добрыми. Теперь съ нами нѣтъ уже, чтимыхъ нами, Святыхъ. Они оставили земную жизнь. Но таже благодать Божія въ нѣдрахъ земли для любви къ намъ чтителямъ ихъ памяти, сохранила для насъ ихъ тѣла, неизтлѣвшими вопреки законамъ природы, или ихъ кости, проявляющія чудотворенія. Почитая такимъ образомъ Святыхъ за ихъ назидательную, примѣрную жизнь и, вѣрою прозирая въ нихъ храмъ Святаго Духа, можно ли не чествовать, не благоговѣть предъ ихъ останками, благоухающими

святостию и чудотвореніями? Тѣмъ болѣе, что эти останки Святыхъ напоминаютъ намъ о Святыхъ, возбуждаютъ нашу волю къ подражанію ихъ жизни.

Но отвергающіе чествованіе Святыхъ мощей сами себя противорѣчатъ, собственными своими дѣлами разрушаютъ свои убѣжденія. Извѣстно, у этихъ людей есть свои кумиры—люди, предъ которыми они благоговѣютъ и оказываютъ всякаго рода почтеніе и чествованіе. Посмотрите, напримѣръ, за какую часто дорогую цѣну они приобретаютъ ихъ изображенія, украшаютъ эти изображенія, отводятъ имъ лучшія и видныя мѣста въ своихъ комнатахъ. Если послѣ такихъ кумировъ сохранится какая вещь, или часть изъ одежды, изъ принадлежностей ихъ—напримѣръ шляпа, мечъ полководца, книга и перо ученаго и подобн., какъ они берегутъ эти вещи, какъ дорожатъ ими! Далѣе, они отыскиваютъ часто съ большимъ трудомъ мѣсто ихъ погребенія, ставятъ надъ ними дорогіе и великолѣпные памятники; иногда даже собираютъ ихъ прахъ и кости и берегутъ какъ святыню. Что это? Не тоже ли это, что наше благоговѣніе предъ мощами Святыхъ? Такъ эти люди, не уважая нашего чествованія Святыхъ мощей, сами въ тоже время чествуютъ останки людей. Да и какихъ еще людей? Самыхъ обыкновенныхъ, если же и замѣчательныхъ, то не тѣмъ, чтобы ихъ считать за образецъ доброй жизни. Эти кумиры по своей жизни далеко не могли быть образцами для подражанія. Господствуя надъ другими, они рѣдко умѣли господствовать надъ собою и побѣждать свои страсти. А нѣкоторые изъ нихъ даже и не выдавались изъ среды, а просто умѣли только красно говорить и писать про жизнь, про честность въ

жизни, но сами не жили честно и правдиво. За что же къ нимъ такая любовь, за что и къ останкамъ и къ вещамъ, о нихъ напоминающимъ, такое почтеніе? Мы вѣрующіе по крайней мѣрѣ чтимъ останки Святыхъ людей — людей такихъ, которые прежде всего на себѣ, въ своей жизни показали добрую, честную и примѣрную жизнь, а не писали, и говорили о ней только. Мы чувствуемъ мощи Святыхъ, какъ храмы Святаго Духа, мы наконецъ чувствуемъ ихъ потому, что чрезъ нихъ проявляется и доносилъ благодать Бога, творящаго чудеса. Что же не справедливѣе ли наша любовь, наше чествованіе мощей Святыхъ, нежели чествованіе мощей безвѣрія? Такъ то неосновательны и непрочно ихъ сужденія и о другихъ предметахъ вѣры. Вообще невѣрующіе показывают на себѣ или крайнее незнакомство съ основаніями нашей вѣры, или намѣренное непониманіе, искаженіе истины нашего вѣрованія.

Чѣмъ же слушатели закончимъ нашу бесѣду? Скажемъ, чествуйте Святыхъ мощи? Но вы, пришедшіе въ сей храмъ на молитву, и не отвергаете этого. А тѣхъ, кому нужно бы поучаться чествованію Святыхъ мощей и нѣтъ здѣсь. Они не считаютъ и нужнымъ бывать здѣсь. — Это по ихъ сужденію предразсудокъ, суевѣріе. Они еще не опредѣлили, какому Богу имъ *лично* есть кланяться и какой слѣдуетъ принять образъ богочтенія. Стамо бытъ и не къ нимъ наше слово. Нѣтъ братіе къ вамъ православнымъ христіанамъ, здѣсь присутствующимъ будетъ заключительное слово нашей бесѣды. *Поступайте братіе осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые потому, что дни лукавы. Не будьте неразумны, но познавайте, что есть воля*

Божія. (Еф V, 15. 16. 17). Люди безвѣрія размножились и размножаются, не слушайте и не принимайте скоро, безъ здраваго обсужденія ихъ ученій. Смотри на то, какъ они красно говорятъ, смотрите еще, такъ ли они красно и живутъ? Не лицемѣры ли они, коихъ жизнь не согласна съ ихъ убѣжденіями, которые снаружи кажутся въ одеждахъ овчихъ, а внутри по душѣ хищныя волки? Проповѣдуя другимъ безвѣріе, хорошо ли они знаютъ основанія вѣры, не большею ли частию трактуютъ о вѣрѣ не зная вовсе вѣры? А честно ли такъ поступать и издѣваться надъ тѣмъ, что и незнакомо намъ? Не торопитесь мѣнять своихъ православныхъ убѣжденій на убѣжденія несостоятельныя и шаткія у самихъ проповѣдниковъ безвѣрія. Буди благодать Господа нашего І. Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь.

Соборный Іерей Тимоѣей Студенскій

Г. Чембарь:

1867 г. мая 9 дня.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СМЕРТИ.

Смерть!.. Одно имя это производитъ въ существѣ нашемъ почти такое же дѣйствіе, какъ и самая смерть. Это величайшее изъ всѣхъ бѣдствій, какія только угнетаютъ несчастный родъ человѣческой. Никогда Богоподобная природа наша не подвергнется такому страшному уничиженію и разстройству, какъ въ смерти. Она со-

вмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ удары, кои порознь поражаютъ душу и тѣло въ теченіе жизни; самый неустрашимый духъ встрѣчаетъ ее какъ царицу ужасовъ. Бѣдствіе всеобщее. Люди всѣхъ вѣковъ и странъ, мудрецы и невѣжды, грѣшныя и облагодѣтельствованныя, равно испытываютъ на себѣ неизмѣнное опредѣленіе вѣчнаго: *земля еси и въ землю поидеши*. (Быт. III. 10). Бѣдствіе неизбежное и неотвратимое. Искони умы мечтательныя покушались исхитить жизнь человѣческую изъ челюстей смерти, то тайными врачевствами, то особливимъ нѣкоторымъ крещеніемъ, то твердою и чудесною вѣрою, — и своею собственною смертію обличали тщету своихъ усилій: только Ілія и Энохъ невѣдомымъ для насъ образомъ вознеслись на небо; доселѣ никто не воспарилъ во слѣдъ ихъ.

Что за бѣдствіе столь страшное, всеобщее и неотразимое свирѣпствуетъ на попріицъ жизни? Откуда вторглось оно въ кругъ прекрасныхъ Божіихъ созданій или оно современно ихъ бытію; тма современна свѣту, сонъ бдѣнію?

Св. Іоаннъ Дамаскинъ, созерцая нашу по образу Божію созданную красоту безобразну, безславу, лежащу во гробѣ, пришелъ отъ сильной скорби въ ужасъ и съ недоумѣніемъ спросилъ самаго себя: *что сіе, еже о насъ бысть таинство; како предахомся тлѣнію; како сопрягохомся смерти?* Станнымъ и непонятнымъ казалось св. мужу, чтобы существо, вѣнчанное Божественною красотою и величіемъ, могло подвергнуться безобразію, уничтоженію и смерти. Такъ! Смерть и тлѣніе не суть союзники первоначальнаго порядка вещей. Въ этомъ убѣждаетъ насъ плачевный голосъ жа-

было какъ бы объ утратѣ какого-то блага, который проходитъ по всемъ царствамъ природы; убѣждаетъ свидѣтельство всехъ народныхъ преданій, по которымъ смерть есть казнь за древнее нарушеніе Божественной заповѣди;—убѣждаетъ трепеть, объемлющій каждого изъ насъ при видѣ смерти, который чѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе свидѣтельствуемъ намъ, что жизнь не имѣетъ никакого сродства и союза съ тѣлніемъ и смертію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ комъ надлежало бы искать начала и основанія смерти чловѣка? Либо въ Богѣ, либо въ природѣ, либо въ самомъ существѣ чловѣка. Но Богъ не могъ быть виновникомъ его смерти: ибо создавшій чловѣка для безсмертной жизни для чего бы Онъ сталъ подвергать его участи насильственнаго и болѣзненнаго расторженія души съ тѣломъ? Если этотъ союзъ, по намѣренію Божию, долженствовалъ быть вѣченъ, ибо душа не имѣетъ полнаго бытія безъ тѣла; то расторженіе его противно предопредѣленію Божию, слѣдственно не естественно. Или природа находится въ такомъ отношеніи къ чловѣку, что дѣйствіемъ своихъ стихій и силъ должна постепенно разрѣшать и разрушать его стихійный составъ? Но это отношеніе ея къ чловѣку не могло быть первоначально. Ибо чловѣкъ въ собственнѣйшемъ смыслѣ есть глава природы; въ немъ должна быть жизнь высшая всехъ силъ природы; онъ ее долженъ былъ животворить собою, а не отъ нея получать жизнь или смерть. Вооружаясь на него она должна была поднимать убійственную руку сама на себя. Или наконецъ чловѣкъ, какъ существо, хотя безсмертное, но чувственное, по самой природѣ своей долженъ подлежать закону смерти, дабы измѣнить одинъ образъ

бытія на другой? Но если онъ предназначенъ для безсмертія, то почему претворенія чувственнаго въ духовное, земнаго въ небесное, тлѣннаго въ нетлѣнное, не совершается безъ болѣзненнаго расторгенія дружба частей нашей природы, съ легкою постепенностію, съ какимъ либо *преложеніемъ*, подобнымъ тому, которымъ Илія и Энохъ перешли на небо?

Если ни въ природѣ, ни въ Богѣ, ни въ первоначальномъ существѣ чловѣка, нѣтъ основанія смерти: то всѣ причины, отъ которыхъ физиологія производитъ необходимость смерти, не должны имѣть силы. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ онѣ не имѣютъ силы, не изъясняютъ происхожденія смерти; поелику сами онѣ причину имѣютъ внѣ и выше себя.

По тремъ составнымъ началамъ тѣлесной жизни, органическому веществу, жизненному началу и внѣшнимъ возбужденіямъ, — три причины приводитъ физиологія въ изъясненіе смерти: она находитъ ся начало либо въ разрушеніи тѣла, либо въ истощеніи жизненнаго начала либо въ лишеніи жизненныхъ возбужденій. Но ни въ одной изъ этихъ причинъ не содержится начало смерти.

а) Въ *разрушеніи тѣла*. Говорятъ: „частію органы „жизненныхъ отправления истираются отъ долговременнаго употребленія; частію кровеносные каналы наполняются множествомъ земляныхъ частицъ, замедляютъ „и потомъ останавливаютъ кровообращеніе; частію на „конецъ ядовитыя вещества, входя въ тѣло наше съ пищею, химически разлагаютъ составъ его.“ Но тѣло зиждется и сохраняется органическою силою жизни и внѣшнихъ стихій: слѣдственно доколѣ не изсякаетъ органическая сила жизни и есть внѣшнія стихіи, ему пѣть

причины разрушаться. Отъ чего это начало жизни не имѣетъ силы сохранять органы, предотвращать накопленіе частицъ, ослабить силу ядовъ во вторую половину жизни, какъ оно дѣлаетъ это въ первую? Тѣ, кои говорятъ, что дѣйствіе его ослабляется и превозмогающимъ средствомъ этихъ частицъ, и этими ядами, развѣ не знаютъ, что въ теченіи 7 лѣтъ перемѣняются всѣ стѣхи тѣла до послѣдней частицы: отъ чего же этихъ частицъ, или ядовъ, въ одно седмилѣтіе накапливается меньше, въ другое болѣе, — и болѣе именно въ позднѣйшіе годы, когда человѣкъ сравнительно принимаетъ меньшее количество пищи? Явно, что причины смерти должно искать индѣ.

б) *Въ истощеніи органическаго начала жизни*
 „Органическое начало жизни по самому свойству развитія стремится постоянно выйти изъ себя, раздробиться и слѣдетъ уничтожиться: достигая извѣстной мѣры своего перваго развитія, напр. въ человѣкѣ, оно раздробляется на нѣсколько новыхъ зародышей и въ этомъ раздробленіи теряется и истощается само. Слѣдетъ, сколько необходимо жизненному началу развиваться, столько же необходимо ему въ этомъ развитіи раздѣлиться на новые отдѣльные зародыши жизни, столько же необходимо въ этомъ раздѣленіи уничтожаться самому. Слѣдствіемъ этого истощенія начала жизни и есть смерть недѣлимаго.“ Отвѣчаемъ: при настоящей природѣ человѣка подлинно истощеніе жизненнаго начала есть необходимое слѣдствіе раздробленія на новые зародыши; но нѣтъ основанія утверждать, что такъ было и въ началѣ. И нынѣ раздробленіе это не влечетъ за собою уничтоженія недѣлимаго по душѣ, которая и

по смерти тѣла остается безсмертною; почему же оно необходимо должно сопровождаться въ немъ уничтоженіемъ жизненнаго начала? Для полноты бытія адуна имѣть нужду въ тѣлѣ. Слѣдств., она должна быть облечена существенно силою жизненною и для образованія тѣла; и по смерти она должна образовать себѣ новое тѣло для жизни вѣчной; почему же лишается она этой силы для сохраненія и образованія тѣла въ этой жизни? Порождая изъ себя новыя недѣлимыя жизненное начало могло въ этомъ раздробленіи не истощаться само, а развиваться изъ низшаго образа бытія въ высшій: силы для того и другого оно могло почерпать изъ какого либо вѣщнаго источника жизни — таково было въ первобытномъ состояніи такъ называемое *дерево жизни*. Вообще развитіе жизненнаго начала должно имѣть двѣ стороны: 1) раздѣленіе на новыя зародыши жизни для распространенія рода; 2) постепенное преобразование недѣлимаго изъ низшаго въ высшій образъ бытія и сохраненіе его на всю вѣчность. Та и другая сторона не несовмѣстны между собою, напротивъ только обѣ выражаютъ идею развитія. *Въ ослабленіи жизненныхъ возбужденій*. На извѣстной степени развитія организма силы природы не въ состояніи бываютъ дѣйствовать на него благотворно: почему, лишаясь постепенно ихъ вліянія, онъ ослабѣваетъ въ жизненной энергіи и умираетъ. Слѣдственно причина, почему жизненные возбужденія перестаютъ благотворно дѣйствовать на организмъ, заключается не въ силахъ природы, а въ немъ самомъ; слѣдственно, въ одной изъ первыхъ причинъ: силы природы всегда готовы поддерживать своимъ вліаніемъ пламень

жизни, какъ скоро есть горючее вещество. Такъ образомъ если начало смерти не заключается въ тѣлѣ, то смерть есть неизъяснимое Дявленіе: все человечество умираетъ, не зная, отъ чего.

Кто нибудь возразить: „самое безсмертіе человека есть нѣчто непонятное. Человѣкъ цѣлою или половиною своего существа есть животное — растеніе — растеніе — вещество: слѣдъ, если смерть неестественна человеку, то она не должна имѣть мѣста ни въ царствѣ животныхъ, ни въ царствѣ растеній, словомъ: должна быть изгнана изъ всей природы. Въ этомъ случаѣ какъ изъяснить рожденіе живыхъ существъ, которое есть нынѣ, плодъ ихъ смерти. Необъятное множество безпрестанно размножающихся тварей какъ могло бы вмѣститься на маломъ пространствѣ земли? Въ чемъ состояла бы тогда жизнь, когда нынѣ она есть не что иное, какъ движеніе къ смерти? Что было бы въ природѣ, когда бы изъ нея изгнана была смерть, этого мы не знаемъ, такъ какъ всѣ условныя истины сокрыты отъ насъ: мы знаемъ только, что кромѣ того, что мы представить себѣ можемъ въ природѣ по изгнаніи изъ нея смерти, возможно весьма многое. Подлинно ли рожденіе живущихъ тварей необходимо имѣть связь съ ихъ смертію? Можетъ быть, твари подлежали бы тогда другимъ условіямъ бытія, переходили бы на высшія степени жизни и слѣдъ на высшія обиталища. Отъ чего жизнь ихъ не могла быть преобразованіемъ изъ славы въ славу? Что подобное состояніе твари возможно, не доказываетъ ли этого рѣшительно Тайновидецъ Іоаннъ, когда указываетъ его такъ дѣйствительно по окончаніи временъ въ вѣчности? *И видѣхъ, говорить оуъ, небо ново и*

землю нову, и видѣхъ градъ Св. Іерусалимъ, новъ сходящій отъ Бога съ небесе, и слышавъ гласъ велий съ небесе глаголющъ: се скинія Божія съ чело-
вѣки и вселится съ ними. И отъиметь Богъ всяку слезу отъ очей ихъ, и смерти не будетъ никому: ни плача, ни вопля, ни болезни не будетъ никому. (Апок. XXI, 1—4).

Первобытное состояніе природы должно представлять себѣ состояніемъ тѣснѣйшаго союза между Богомъ и тварию; человекъ находился въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ: прочія твари кромѣ человека царя своего могли получать животворящую силу свыше и такъ обрѣцены были преобразоваться изъ славы въ славу, не испытывая смерти.

И такъ смерть не могла заключаться въ предопредѣленіи Творца и естествѣ твари; всѣ причины, которыми изъясняется происхожденіе ея, не изъясняютъ ея; возможно устройство природы совершеннѣйшее, при которомъ твари не испытывали бы разрушенія, а только преобразование своего существа. И однакожь смерть отъ начала до конца временъ не перестаетъ, и не перестанетъ какъ классы, пожирать всѣ роды тварей и увлекать ихъ въ бездну вѣчности. Что же? Что сіе, еже о насъ бысть таинство! Како предахомся тлѣнию? Како сопрягохомся смерти?

Начала смерти человека, безъ сомнѣнія, всего естественнѣе искать въ той части человѣческаго существа, которая содержитъ въ себѣ глав. образомъ причину его жизни; а жизнь человека — положимъ ли въ тѣлѣ особое начало жизни, или силы зиждущія тѣло отнесемъ къ существу души, — въ обоихъ случаяхъ зависить отъ души: ибо безъ души тѣло тотчасъ умираетъ.

и истлѣваетъ. И такъ не душа ли какимъ нибудь несчастнымъ порывомъ разторгнула первобытный союзъ свой съ тѣломъ и внесла смерть?

Этотъ бѣдственный порывъ изъ соединенія своего съ тѣломъ душа повторяетъ и нынѣ въ теченіе своей жизни; въ теченіе жизни она не иное что и дѣлаетъ, какъ только изторгается изъ священнаго союза съ тѣломъ, истощаетъ его жизнь и причиняетъ ему смерть. Двумя направленіями душа обнаруживаетъ себя въ своемъ соединеніи съ тѣломъ: *воспримчивостію* и *самодѣятельностію*. Первою человекъ принимаетъ въ себя стихіи земныя, дѣйствія высшихъ силъ природы, впечатлѣнія, познанія; другою — обнаруживаетъ свою собственную силу въ дѣйствіяхъ воли, движеніи, произведеніи подобныхъ себѣ существъ. Первою душа обнаруживаетъ свое отношеніе къ тѣлу и чрезъ него къ природѣ, — второю свою независимость и господство надъ тѣломъ и природою: первую человекъ принимаетъ въ себя сродные элементы для образованія своего существа, — второю износитъ изъ себя стихіи своего образующаго существа во внѣшній міръ. Въ продолженіи жизни пока оба эти направленія жизни остаются въ равновѣсіи, тѣло человека растетъ, развивается къ большому и большому совершенству. Такъ отъ младенчества до мужества шитаніе, чувствованіе, любознательность усиливаются наравнѣ съ свободою и дѣятельностію, движеніемъ, способностію родотворенія; но съ мужескимъ возрастомъ наступаетъ поворотъ, за которымъ сила дѣйствующая извнутри во внѣшность беретъ перевѣсъ надъ воспримчивостію: въ душу пробуждаются порывы беззаконной дѣятельности, неутолимые желанія, пылкія страсти, тѣ

тѣлъ крѣпкое и быстрое движеніе, потребность распространенія рода и превозмогають любознательность, чувствованіе, питаніе; съ симъ вмѣстѣ тѣло перестаетъ рости, старѣетъ и умираетъ. Такъ душа въ теченіи возрастовъ не столько старается держать себя въ союзѣ съ тѣломъ, сколько порывается вонъ изъ него постепенно возрастающею силою своихъ стремленій; сама разрушаетъ корень жизни тѣлесной и рождаетъ подъ собою смерть. Вотъ та коренная болѣзнь человѣческаго организма, по которой никто изъ потомковъ Адама, какъ утверждаютъ, не умираетъ естественною смертію. Какъ постепенное нынѣ преобладаніе самодѣятельности надъ воспримчивостію, надъ внѣшними вліяніями, истощаетъ мало по малу жизнь человѣка; такъ въ началѣ единократное самовозношеніе пресѣкло путь сообщенію жизненныхъ силъ и причинило смерть. „Отъ чего? Развѣ онъ, существо безсмертное, не имѣлъ неистощимой жизни въ самомъ себѣ? Развѣ онъ долженъ былъ почерпнуть ее отвнѣ и чрезъ сіе только продолжать жизнь свою въ вѣчность?“ Такъ! человѣкъ не имѣлъ въ самомъ себѣ неистощимаго начала жизни: ибо одинъ Вѣчный имѣетъ жизнь въ самомъ себѣ; твари живутъ чрезъ пріобщеніе этому Единому приснотекущему источнику жизни, Коему онѣ обязаны духовными, невещественными и вещественными силами. И въ первобытномъ состояніи человѣкъ долженъ былъ воспринимать жизнь: разрушеніе тѣла вознаграждать пищею, истощеніе начала жизни—плодами *древа жизни*, и пламень жизни духовной возгрѣвать силами Божественными. Въ этомъ и состояло первое проявленіе его жизнедѣятельности. И нынѣ пища вознаграждаетъ потерю жизненнаго вещества, вѣра низводитъ на душу животворящую благодать, а высшія силы природы, благотворно возбуждающія нервную систему къ чувствованію, не замѣняютъ ли отчасти первобытнаго *древа жизни*, не суть ли его, такъ сказать, малѣйшій остатокъ? Почему, сохраняя свой союзъ съ тѣломъ, душа подвергала и подвергаетъ свою свободу нѣкоторымъ узамъ подчиненія; но съ другой стороны въ этомъ самомъ подчиненіи Богу—Источнику всякаго бытія

почерпала и почерпаетъ жизнь. Тѣло для души есть орудіе, посредствомъ котораго предназначено ей совершать свое служеніе Творцу и Владыкѣ, и взаимно получать отъ Него дары и животворныя силы. Жертвы и всесоженія Онъ отъ ней не восхотѣлъ, а совершилъ ей тѣло, дабы въ немъ она творила волю Его и принимала отъ Него вѣчную жизнь. Но человѣкъ не восхотѣлъ предать существа своего въ жертву всеобщему порядку жизни, дабы въ немъ самомъ почерпнуть себѣ отъ Бога и жизнь; возмнивши въ самомъ себѣ открыть источникъ жизни, онъ порывомъ самовозношенія ринулся изъ него и претѣлъ сообщеніе своей жизни съ жизнью Вѣчнаго: уклонился отъ Бога душою и пересталъ воспринимать въ себя Божественныя силы, умеръ духовно. Въ слѣдствіе чего Богъ удалилъ его отъ древа жизни, и для его начала жизненнаго прекратился приливъ жизненныхъ силъ, заключавшихся въ древѣ жизни; оставшаяся мѣра жизни, подкрѣпляемая жизненною силою органической пищи, содѣлалась единственнымъ источникомъ жизни для всѣхъ живущихъ потомковъ Адама. Не это ли самое уклоненіе отъ приснотекущаго источника жизни повторяетъ душа въ жизни каждаго человѣка? Какъ въ тѣлѣ образующая дѣятельность жизненной силы постепенно удаляется отъ средоточія своего мозга, упадая съ головы на грудь, съ груди на чрево: такъ душа естественнаго человѣка удаляется отъ Бога своими желаніями, обращаясь сперва къ созерцанію и познанію вѣшняго міра, потомъ къ движенію и свободной дѣятельности въ немъ, наконецъ къ сластолюбію, любостыжнію, преобладанію и другимъ порокамъ. Тѣ, кои болѣе пребываютъ чувствами и мыслями въ безстрастномъ познаніи міра, нежели въ личномъ стяжаніи благъ его, кои живутъ болѣе тихою преданностію волѣ Божіей, смиреніемъ, упованіемъ, чистосердечіемъ, незлобіемъ, цѣломудріемъ, нежели заботами, злобою, коварствомъ, гордостію и пр., не замедляютъ ли этимъ самымъ быстрымъ теченіемъ жизни? Но душа повторяетъ исторію своего уклоненія отъ жизни иногда въ одну минуту, когда однимъ движеніемъ гнѣва, радости, ужаса и пр. разрываетъ кругъ тѣлесной

жизни. Человѣкъ въ лонѣ природы наслаждался жизнью, воспринималъ въ себя жизненные, вещественные и духовные элементы: вдругъ однимъ воспламененіемъ пресъкается всякая воспримчивость, и среди возобновляющагося и всдвижунаго потока жизни душа становится неподвижною и мертвою, какъ скала, и перестаетъ одушевлять свое бренное тѣло. Не повторяются ли еще оба эти періода въ судьбѣ государствъ и человѣчества?

Въ чемъ же состоялъ этотъ бѣдственный порывъ самовозношенія, коимъ прервано сообщеніе жизни человѣка съ жизнью всеобщею? *Единльмъ человекомъ грѣхъ въ мѣръ вниде*, говоритъ Св. Писаніе, *и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человекъ вниде, въ немъ же вси согрѣшиша*. Начало смерти есть грѣхъ, преслушаніе заповѣди Божіей, желаніе быть равнымъ Богу; смерть есть естественное слѣдствіе преслушанія. Дабы наслаждаться безсмертною жизнью, надлежало почерпать ее отвнѣ подчиненіемъ Божественному порядку жизни: но человѣкъ, какъ мы сказали, самъ восхотѣлъ быть Богомъ, въ себѣ самомъ открыть приспотекущій источникъ жизни, вышелъ изъ повиновенія закону бытія и жизни и умеръ. Чуждою силою — духомъ уже закоснѣвшимъ въ непокорности Богу внесенъ былъ этотъ духъ неповиновенія въ душу человѣка; но какъ скоро она приняла въ себя, въ ней открылась неутолимая жажда самости, которая, разъ удаливши его отъ источника жизни, потомъ во все теченіе жизни съ возрастающею быстротою стала влечь ее все далѣе отъ него. Съ рожденіемъ и мы наслѣдовали отъ праотцевъ это смертоносное начало самости, и удаленные еще въ нихъ отъ древа жизни, еще болѣе удаляемся отъ источника жизни сами и стремимся въ неисходимую бездну смерти. Блаженъ, кто всею силою вѣры емлется за умершаго за насъ, Единаго Подателя жизни — Богочеловѣка, Господа нашего Иисуса Христа. А какъ скоро пресъклось непосредственное сообщеніе жизни между Богомъ и человекомъ, падшій царь и владыка земли не могъ уже низводить божественно — животворныхъ силъ на подвластныхъ ему твари, ибо непосредственнаго сообщенія съ Богомъ онъ, какъ

неразумныя, не могутъ имѣть: почему въ слѣдъ за царемъ должны были испытать участь смерти и они. Такъ смерть вошла не только во вся человѣки, но во всю живущую тварь: нынѣ и она купно съ нами страдаетъ и мучится вмѣстѣ чая и освобожденія въ свободу славы, когда всякая смерть пожерта будетъ животомъ.

(Продолженіе будетъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

1.. Слово говоренное въ день Пятидесятницы при молебствіи по случаю спасенія жизни Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА отъ руки злодѣя 25 мая въ Парижѣ. Соборнаго Іерея Тимофея Студенскаго. 2., Слово въ день Святителя и Чудотворца Николая 9-го мая. Его же. 3., Размышленіе о смерти.

Примѣчаніе: При настоящемъ номерѣ прилагается продолженіе новаго Устава Православныхъ Духовныхъ Семинарій и Училищъ.

Редакторы: Инспекторъ Семинарій, Протоіерей

Іаковъ Бурлуцкій.

Протоіерей Василій Бережковскій.

Одобрено цензурою. Пенза 1867 года Іюля 15 дня.

Цензоры: Семинарій Ректоръ Архимандритъ **Іоасафъ.**

Кае. Протоіерей О. Шателъевскій.

Печатано въ Типографіи Пензенскаго Губернскаго Правленія.